

Кухар В.В.

УДК.316.34:355.2.001

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И ЕГО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

Постановка проблемы. В современной литературе концептуальное понимание влияния разделения труда на его производительность отсутствует.

Основное содержание статьи. *Разделение труда - величайшее безымянное социальное изобретение*, двинувшее вперед социальный прогресс, общество и человечество, но, к сожалению – не самого человека. Потому что сегодня общество построено по образу и подобию не просто человека, а отдельно взятого, человека-эгоиста. В этот период человеческой истории наблюдается даже его регресс. На основе разделения труда возникает социальный организм или, точнее, социальная машина, его поддерживающая.

Социальная машина, построенная на основе орудий труда и их применения: машин, механизмов, автоматов, безлюдных производств и адекватных технологий, подчинила себе, снизу социальный организм в виде экономики: производства, обмена и потребления, сверху – политическую и социально-культурную жизнь общества. А в целом – и это самое главное – социальная машина подчинила себе человека, превратив в винтик-колесико-функцию этой машины.

И все это происходит благодаря двум вещам: 1) *системному подходу к пониманию общества*; 2) на основе его – *системному построению человеческого общества*. Главным выразителем и воплощением социальной машины является, безусловно, государство. Общество в нем есть нечто рыхлое, расплывчатое, малоформенное, номинальное, лишенное само по себе источников развития и самодостаточности.

Все главное, существенное в нем заняли государство и бюрократия. *Но если за государством стоит небольшое число людей: безразлично, чиновников или собственников, называемых олигархами, то получается, что эти люди овладели не только государством, но и обществом*. В силу обладания властью и огромной собственностью они оказались хозяевами всей жизни. Поэтому не нужно удивляться их нынешнему поведению в качестве именно таких хозяев жизни, какими они себя вообразили. Они не дают нам возможности быть самими собой и свободно развиваться. Здесь даже недостаточно представлений Маркса с его эксплуатацией; дело обстоит значительно хуже. *Они не дают нам жить, быть самими собой*.

То есть то, что они присваивают «цивилизованным» (выражение одного из горбачевских «перестроечников») образом львиную долю произведенного коллективного продукта – даже не главное. А главное в том, что они заблокировали нашу жизнь ради того, чтобы этим «цивилизованным» образом присваивать львиную долю. С помощью разделения труда все удерживаются в положении рабов этих хозяев.

Пора понять, что, в конечном счете, *они – олигархи и чиновники, как во власти, так и в имуществе, борются не за желтый металл и богатство, а за то, чтобы с его помощью, создав для нас дефицит потребления, удерживать себя в качестве хозяев нашей жизни, а нас – остальных - рабами своей жизни*. Хотя это рабство нам кажется не совсем и не всегда заметным. А многим оно даже приятно: насыщение добротными продуктами, обеспеченный быт, зарплата, а до остального нет никакого дела. Чем не животное рабское состояние. Мало кто ведает о своей униженности.

Для других же придуманы достойная зарплата, достойный заработок, достойные пенсии. Но это не что иное, как недостойное обозначение подачи в сравнении с тем, что действительно и фактически преподносится нам уже как недостойное. Некоторые из нас, обслуживающие тех же самых олигархов, отличаются от нас этой самой подачкой, оставаясь в остальном, по сути дела, тем же, чем и мы.

В истории общества существует несколько ступеней разделения труда, начиная с охоты и собирательства, а затем земледелия и животноводства. После этого возникло государство в качестве тоже результата разделения труда, когда появились и выделились надсмотрщики, учетчики и все другие категории экономической и социальной иерархии.

Затем выделились ремесло, торговля, а впоследствии возникло разделение труда внутри отраслей производства, обмена и потребления. Разделение труда вызвало два социально-экономических феномена – **производительность и экономию труда**. Внимания к ним сегодня явно недостаточно, они еще не стали необходимым предметом науки.

Разделение труда рассматривается как нечто статическое и застывшее. В лучшем случае на него, с одной стороны, смотрят как на средство роста производства, с другой – как на социальный бич, негатив, превращающий людей в винтики, колесики, а социальную жизнь – в социальную машину, поскольку социальная жизнь в существующих условиях разделения труда определенным образом организована в социальную машину.

Но, если смотреть на разделение труда, поработавшее человека, общество и человечество, *эволюционно*, то можно заметить в нем другие качественные феномены. Назначение разделения труда в первом приближении – действительно рост производства и благосостояния, но и также освобождение человека от бремени необходимого труда. Однако только этим дело не ограничивается. Существует более высокое его предназначение – с помощью разделения труда освободить человека, обеспечив:

- 1) все более полное удовлетворение его потребностей;
- 2) освобождение от рутинности и повседневности, автоматизируя производство, обмен и потребление, последовательно освобождая сначала от физического труда, затем даже от рутинно-умственного;
- 3) превращение производства, обмена и потребления в совершенный механизм с замкнутыми циклами функционирования, регенерации и рекреации;
- 4) подчинение тем самым производства, обмена и потребления человеку, обществу, человечеству.

При таком положении изменяется сам человек. Его труд из необходимого (ради удовлетворения непосредственных потребностей для продолжения биологической жизни) превращается в труд потребный (удовлетворение потребности в самом в труде). Человек может управлять рутинными процессами в обществе и подчинять их себе. Сегодня они доминируют над человеком вследствие товарного фетишизма.

Разделение труда имеет три основных стадии развития, в которых господствуют две противоположные тенденции. На первой стадии человек подчинен разделению труда вследствие чего продукты его труда также господствуют над ним. Этап длится до тех пор, пока человек не сможет механизировать, машинизировать, автоматизировать орудия труда, подчиняющие его себе. Второй этап наступает после того, как физический труд переложено на машины, механизмы, автоматы и безлюдное производства, а человек почти полностью занимается умственным трудом.

Однако остается еще его порабощение продуктами собственного труда в форме товарного фетишизма. Как отмечал М.Вебер: *«Капиталистическая погоня за прибылью, как самоцелью, противоречит нравственным воззрениям многих эпох». Во всех источниках, описывающих капиталистическую экономику, на первом месте стоит главная цель – получение прибыли* [1, с.29].

Отсюда - подчинение экономикой всей социальной жизни людей, независимо от удовлетворения их потребностей и его закона. Подчинение всей социальной жизни людей экономике вытекает не из закона потребления (высшие потребности актуализируются лишь при удовлетворении низших). Оно - следствие подчинения общественной экономики частным целям.

Господство продуктов труда обеспечено отчуждением человека от результата собственного труда. Кроме того, в продуктах его труда запечатлена воля их собственника, которому эти продукты принадлежат. То есть, в конечном счете, продукт труда - лишь посредник, как бы прикрывающий отношения между производителем и собственником.

Тогда как на самом деле все проблемы вытекают из отношений собственности между двумя этими лицами в процессе производства и обмена. Продукты труда в них ни причем, важны лишь отношения собственности, проявляющиеся через эти продукты. Возникающие проблемы решаются через *избыток* продукта или предмета потребления и *обладание* им непосредственным производителем.

Только на третьей стадии человек освобождается от влияния разделения труда, становясь полноправным собственником своего результата труда. Если каждый производитель продукта или услуг становится их обладателем, то исчезнет спекуляция ими и их дефицит. Преодолевается разрыв в разделении труда между производством продукта (услуг) и обладанием им, возникший в результате нарушения капиталистами прежней формулы присвоения после так называемого первоначального накопления капитала, когда ими были присвоены основные средства производства, а бывшие вольные (свободные) работники превращены из собственников в наемных рабочих.

Разделение труда между людьми прекращается и перекладывается на орудия труда, чем человек освобождается от собственной функциональной зависимости от других. В свою очередь разделение труда сохраняется, но переходит в другую сферу – сферу косной материи: орудий и предметов труда. Если на первой стадии разделение труда объективно сыграло положительную роль в росте производительности труда, то на второй стадии, сохраняя еще свое прежнее значение, оно уже тормозит развитие человека, становясь также тормозом в осуществлении социального прогресса.

На третьей стадии разделение труда играет вдвойне положительную роль: во-первых, оно сохраняет прежнюю роль в качестве средства роста производительности труда, во-вторых, становится средством развития человека. Совершенствуя орудия и предметы труда, человек совершенствует себя и окружающее пространство, реализуя себя в нем.

Самое главное здесь в том, что человек освобождается от подчинения разделению труда, являющегося элементом социально-экономической машины, становящейся управляемой. Тем человек становится над ней, являясь существом поистине свободным. Но получить избыток продуктов для потребления – это полумера, частичное освобождение. А вот подчинение себе социальной машины или социально-экономического организма – это уже его полное освобождение.

А что же тогда будет делать человек, освободившись от рутины, социально-экономической и политической деятельности? Тогда ему останется самодостаточное творчество: самовыражение и саморазвитие, освоение окружающего пространства-времени, его приспособление к себе и гармонизация с ним, возможно посредством формирования и поддержания равновесия с ним. Человек вынужден будет совершенствоваться как свой непосредственный (самого себя), так и опосредованный окружающий мир.

Можно заметить, что социальный организм (О.Конта) и социальная машина (К. Ясперса) суть одно и то же, а точнее, в обществе возникает симбиоз социальной машины и социального организма, выражающих вместе различные уровни и подуровни общественной организации. Со стороны общества – это социальное образование или социальный организм, в котором люди не имеют личной субъектности (она в них снята). Или субъектность существует в них только в узких правовых пределах, исключающих положение человека-творца.

Со стороны машин, механизмов, автоматов, составляющих «вторичную природу человека», - это уже социальная машина, во-первых, управляемая человеком как система, во-вторых, организованная таким образом, что подчиняет себе людей безраздельно. Они ее рабы; посредством машины ими легче управлять истинным ее владельцам.

Овладение человеком социальной машиной и социальным организмом усиливает производительные силы общества тем, что позволяет совершенствовать бесконечно технику и технологию. При этом

увеличиваются силы природы, задействованные в орудиях труда. Кроме того, увеличивается одновременно экономия материалов и времени, что сокращает количество вовлеченных в экономический оборот предметов природы, ведя к восстановлению равновесия между обществом и природой.

Складывается рациональность и умеренность потребления вследствие роста нравственных начал в человеке и его самосовершенствования. Рационализация и умеренность потребления увеличивает *число ненужных материалов, сырья, включая энергетические, сконцентрированных в так называемом капитале, когда они, просто, омертвлены для общества и людей*, но служат лишь частным интересам с расточительным ведением дела.

Теперь можно рассмотреть разделение труда с точки зрения указанной экономии. *Экономия* есть общее состояние, как для производительности труда, так и для рационального использования ресурсов. С одной стороны – это «экономия времени», выраженная в производительности труда. С другой стороны, это и «экономия труда» (материалов).

В целом эволюция разделения труда ведет к формированию безлюдного производства и обмена, в котором потеряется такой посредник, как рынок и товарный обмен, необходимость в которых начнет отпадать. В безлюдном производстве незачем продукты труда превращать в товары, как для производства, так и для человеческого потребления.

Тогда, возможно, все в социуме изменится кардинальным образом. То есть осуществится переход к нравственному обществу. Оказывается, можно было вполне обойтись без кровавых войн и революций. Человечество медленно, но верно идет к совершенствованию своих нравственных начал. К сожалению, очень и очень медленно. Все сущее в этом переходе скрыто в разделении труда и его метаморфозах в процессе эволюции.

Можно ли отнести разделение труда к производственным отношениям Маркса? Как было показано, разделение труда может превратить человека, как в винтик-колесико, так и возвысить до уровня творца-демиурга. В нем человек становится посредником между природой и Богом, обожествляя природу своим воздействием.

Вследствие так называемого библейского греха человек оказался наедине с самим собой. Условиями эволюции оказались в решающей мере человеческая свобода и нравственность. Чем они были выше, тем производительнее был человек в своем самовыражении, тем большим количеством средств он располагал, и увеличивалось его личное благосостояние, энерговооруженность и интеллектуальность.

Ведь закон соотношения производительных сил и производственных отношений предполагал, с одной стороны, коллективность, согласованность усилий в совместном труде производителей, с другой стороны, высокую нравственность отношений между ними. Нравственность становилась изменяющимся коэффициентом производительности труда. Чем выше он был, тем выше становилась производительность, ибо тем самым согласованнее были совместные усилия производителей.

Здесь возникает второй вопрос относительно разделения труда: как оно сочетается с нравственностью и производительностью труда? В диссертации и других работах автора исследована последняя зависимость: чем выше был уровень развития разделения труда, тем выше была его производительность. Но эта составляющая производительности труда основывалась переносом рабочих усилий человека на силы природы в орудиях труда. То есть разделение труда увеличивало его энерговооруженность, которое в свою очередь соответственно увеличивало производительность труда.

Некоторые выводы и возникающие проблемы. Но в тоже время остается недостаточно исследованной зависимость между разделением труда и нравственностью. Судя по всему они между собой не связаны непосредственно, но опосредованно между ними все же существует достаточно прочная связь. Дополняя друг друга, разделение труда и нравственность увеличивают производительность труда с разных сторон.

Тогда становится возможным ответ и на первый вопрос о том, относится ли разделение труда к производственным отношениям? Безусловно, да: разделение труда не только относится к производственным отношениям, но и является одним из их компонентов. Однако кроме разделения труда в производственных отношениях существуют и другие компоненты: специализация, кооперация и концентрация труда, собственность и капитал. Возможно, есть и другие. Исследование данной проблемной тематики нуждается в серьезном продолжении.

Источники и литература:

1. Сухоруков М. Г. Мудрость и глупость веков в лицах / М. Г. Сухоруков. – Симферополь : Таврия, 2006. – 272 с.
2. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев // Мир философии. – М. : Политиздат, 1991. – С. 307-322.
3. Вильховченко В. Д. Технократические тупики развития наемного труда / В. Д. Вильховченко // Социально-политические исследования. – 1995. – № 5. – С. 122-132.
4. Кухар В. В. Открытое общество и эволюция капитализма / В. В. Кухар // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 352-355.
5. Кухар В. В. Философия на переломе эпох : монография / В. В. Кухар. – Симферополь : Оригинал-М, 2010. – 434 с.